

по мысли М.Мамардашвили, позволяя освободиться от судороги тождества с самим собой, чтобы осмыслить себя в рамках опыта Другого.

Литература

1. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. - М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
2. Малкина В. Гротескное и фантастическое в культуре: визуальные аспекты. Сборник статей. М.: «Издательские решения», 2017. 147 с.
3. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. - М.: Политиздат, 1991. 525 с.
4. Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности. - М.: «Восточная литература», 1978. С. 15.
5. Лосев А. Диалектика мифа. - М.: «Правда», 1990. 559 с.
6. Смирнов Игорь Павлович Фантастическое как (сверх)жанр // Новый филологический вестник. 2007. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fantasticheskoe-kak-sverh-zhanr> (дата обращения: 21.03.2020).

И.А. Гапаров

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ ПОЛЬЗЫ И ЦЕННОСТИ ¹

(Самарский университет)

В условиях постмодернистской философии и культурного плюрализма вопрос о соотношении понятий пользы и ценности является значимым для творческой (технической) деятельности. «Польза» задает «здоровый смысл», определенный ещё Т. Ридом как способность суждения и совокупность изначальных первых принципов, структурирующих человеческое сознание и определяющих восприятие человеком мира, а также его поведение и отношение к другим людям [8]. «Ценностью» определяются пределы целесообразности, мыслимые по меркам разума. Располагая данными понятиями, человек остается разумным существом. Правда данный факт, по всей видимости, игнорируют современные мыслители, упорно настаивающие на индифферентности понятий. Не находя им места в семиотической структуре, они впадают в онтологические, эпистемологические, праксеологические затруднения, начинают относиться пристрастно к их значениям. Если же возникает логическое противоречие, то пытаются уверовать сами и убедить других, что виной всему языковые игры.

Подобный подход к понятиям пользы и ценности считается неуместным. Располагая доступными интеллектуальными ресурсами, необходимо устранить

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00462 А "Философия техники Фридриха Дессауэра: эпистемология и антропология реалистской теории творчества"

неопределенность и вернуть понятиям свое место в философии. Для этого необходимо обратиться к основаниям, которые могут помочь прояснить устройство «пользы» и «ценности».

Для начала нужно попытаться окинуть взором первое основание. По своей структуре оно является сложным, поскольку представляет «семиозис» (процесс знакообразования). Он состоит из трех взаимосвязанных друг с другом измерений, каждое из которых особым образом влияет на устройство и назначение понятия. При этом каждое из исследуемых понятий является выражением определенного аспекта семиозиса (синтактики, семантики и прагматики). Получается, понятие ценности отражает семантическое отношение к определенному аспекту реальности, определяемому значимостью идеи для мыслящего существа. Из этого же следует, что «ценность» является не имманентной, но трансцендентной. Как верно подмечает Г. Риккерт, она «вне-временна, независима от всякого индивидуального содержания сознания, которое мы представляем и которое, как временной образ, должно иметь начало» [9, с. 86]. В то же время сущность ценности в ее значимости, а не в фактичности, поскольку фактичен только носитель ценности. Понятие пользы, напротив, задает прагматическое отношение. Оно отображает связь воплощаемого и воплощенного. Наиболее полно подобный подход к «пользе» раскрыт в трудах П.К. Энгельмейера. По его мнению, «польза» имманентна, тесно связана с жизнью всякого разумного существа. Воплощенная в технике, она «облегчает достижение поставленной цели» [10, с. 30] посредством увеличения производительности труда. Сообразуясь с первоначально заданным основанием, можно отметить, что если «ценность» связана с метафизическим поиском, направленным на извлечение смысловых и значимых напластований как мыслимой, так и немислимой реальности (Г. Риккерт), то понятие пользы — с исполнением или реализацией того, что дано в проекте или не имеет материального выражения (П.К. Энгельмейер).

Поскольку семантическое измерение имеет «дело с отношением знаков к их десигнатам и тем самым к объектам, которые они обозначают (денотируют) или могут обозначать (денотировать)» [4, с. 55], «ценность» вбирает в себя аспекты данного отношения. Она является знаком, отсылающим к чувственно-воспринимаемому субстрату и совокупности условий, имеющих материальное выражение. Для лучшего уяснения того, что же под этим подразумевается, можно привести в пример моральную ценность долга. Под ней понимается «необходимость совершения того или иного действия из чистого уважения к нравственному закону, т. е. независимо от чувств и душевных склонностей» [2, с. 164]. Данная ценность выступает в форме требования совершать лишь такие действия, которые могли бы сообразоваться со сферой умопостигаемого, т.е. подразумевали значение.

Понятие пользы, напротив, отображает прагматическое измерение семиозиса, т.к. консолидирует практически значимые результаты, которые могут быть «развернуты» индивидом при наиболее подходящих для этого условиях. А следовательно, «польза» — «это не элемент, а способ, посредством которого

некоторые данные восприятия функционируют в процессе репрезентации, и что такое «мыслительное функционирование — это отнюдь не простое созерцание мира, но в высшей степени избирательный процесс, в ходе которого организм получает указания о том, как ему действовать в отношении окружающего мира, чтобы удовлетворить свои нужды или интересы» [4, с. 64]. В определенном смысле, понятие пользы схоже с интерпретантой, поскольку оно фиксирует положительные способы воздействия предметности на организм. С другой стороны, заметна разница, заключенная в том, что «польза» не может быть дана в качестве навыка как интерпретанта. Под пользой понимается результат того, что могло бы в последующем повлиять на действия человека.

Вторым основанием, необходимым для различения понятий пользы и ценности, является связь, проводимая между разными аспектами сущего. Ценности предполагают одностороннюю направленность — от субъекта к объекту. Так, например, справедливость как ценность становится мерой и оценкой поступков, сообразуясь с которой индивид способен учесть все то, что приемлемо в обществе / не является таковым. «Польза» обладает многогранной значимостью, учитывающей множество доступных комбинаций: «субъект-объект», «объект-объект» и «субъект-субъект». В экономических дисциплинах, например, взаимодополняющие предметы способны оказать большее воздействие на человека, применяющего их по назначению, чем если бы они были пущены в дело по одному (объект-объект). Примерно то же можно проследить во взаимодействии нескольких субъектов, способности которых дополняются и нейтрализуют помехи, препятствующие достижению цели (субъект-субъект).

Последним основанием для выявления сходства и различия между «пользой» и «ценностью» является «мера реальности» или верификация. Для прояснения этого основания уместной была бы ссылка на вводный пример. Так, для любого неразумного животного, заключенного в условия триединой среды (косной, «фенотипической» и «генетической»), важным является способность к адаптации, позволяющая ему выжить и передать генетический набор в виде следующего поколения. Все то, что благоприятствует его передаче, будет определяться в терминах «лучшего», а все, что препятствует — «худшего». Природа наделила животных инстинктами, поскольку у них отсутствует время для оценки обстановки. Они должны быть постоянно на чеку, поскольку любой неверный шаг — смерть. Отсюда временные измерения (прошлое и будущее) от них скрыты. Напротив, для существа, способного осмыслить ситуацию и набросать план действий, временные измерения становятся естественными. И ценность, определяемая в терминах «лучшего», переносится в план умопостигаемого бытия.

Она становится результатом рефлексии и свободного выбора, определения того, что могло бы стать значимым (смыслообразующим) для нас, поскольку в таком случае могло бы сделать мировосприятие более устойчивым, поставив те цели и задачи, к которым нужно стремиться (человеку, группе, культуре и т.д.). В целом ценности способствуют продлению и поддержанию жизни, но их нельзя счесть подобием инстинкта, поскольку производным первых является

разум, а вторых — чувства. По этой причине попытка «объективировать» ценности, т.е. охватить их в понятиях, завершается провалом, т.к. ценности уникальны.

Здесь проясняется важный недостаток западноевропейской культуры. Он заключается в том, что эта культура с давних пор стремилась заставить принять на веру предпочтения, оценки и меры в ущерб остальным, которые, по ее мнению, являлись более примитивными. Следствием подобной эгоцентристской установки стал непоправимый ущерб, причиненный остальным культурам. Ведь они превратились в заложников западноевропейского ценностного умонстроения. Поэтому современный международный терроризм может восприниматься одновременно и как вызов установкам значимости (и их подрыв), и как бессилие в отношении принятия новой ценностной системы координат, поскольку «нигилист» не просто не принимает ценности, исходящие от чуждых ему лиц, своими действиями он обесценивает существующие [7].

«Полезьа» может быть воплощена в чем-то, а ее носителем является кто-то. Она включает в себя как то, что свойственно ценностям (их связь с разумом, значимость и направленность на результат), так и то, что присуще инстинктам (чувственную составляющую, форму приспособления к среде), т.о. выступая связующим звеном между ними. Было бы также правомерным соотнести «пользу» с рассудком, т.к. последний призван к осмыслению мира в логических оценках — суждениях. В.В. Колесов, например, определяет рассудок следующим образом: «отталкиваясь от исходного суждения, рассудочный человек рассматривает положение в логической последовательности, оформляя рассуждения в слове» [1, с. 79]. Вступая в противоборство с разумом и чувствами, рассудок отражает здравый смысл. Категориальный аппарат, производимый им, представлен в качестве мыслительной схемы, по которой практически каждый человек ориентируется в хаотично данной в чувствах действительности. Большая часть животных в силу развития не обладает рассудком, но наделена инстинктами. Человек, используя рассудок, создает целесообразные программы. Критерием на соответствие программам является «польза». Нарушение работы рассудка приводит к тому, что представления о «пользе» размываются. Человек начинает действовать либо по сложившимся программам, либо инстинктам, либо бредовым идеям. Таким образом, третье основание может стать критерием, позволяющим отличить человека с рассудком и без, определить клинические стадии. Океан планеты Солярис у С. Лема мог бы быть представлен как существо, в собственном развитии минувшее рассудочную стадию, поскольку все его проекции никакой целесообразностью не обладали [3].

Но не стоит, однако, столь полагаться на рассудок с его способностью производить «полезные» программы. Ведь поведение человека все же должно быть ценностно-ориентированным, без чего он не смог бы достичь наилучших условий, не руководствуясь выбранной максимой. С другой стороны, не принимая во внимание инстинкты, человек начинал бы каждое действие с нуля. Здесь важно понять, что большая часть действий людей изначально несет на себе груз поступков предков, которые закрепляются как в опыте, так и в бессо-

знательной сфере, проявляющейся в рефлекторной реакции. Таким образом, «польза» подпадает под сферу научного исследования, поскольку задается в виде эффекта, испытываемого подопытным субъектом. «Ценность», напротив, не проходит верификацию, т.к. она: 1) нематериальна; 2) создает разрыв между «идеальным» и «реальным» (представляет нечто уникальное, но обремененное в понятие; без пользы ценность есть сущее противоречие).

Вполне естественно может возникнуть следующий вопрос: почему человек предпочитает следовать ценностям, а не сообразуется с принципом пользы? Ответом на него может стать само же человеческое мышление. Именно оно побуждает индивида подстраивать идеальные образы, сложившиеся в ходе воспитания и образования, действительному положению дел и вещей. Образцом подобного умонастроения становится эпоха массового потребления, которая задает то, что обходит стороной прагматические аспекты реализации. Люди превращают ценности в некие правила и полагают, что, следуя им, можно достичь того, чего душа пожелает. Но такой путь приводит к ошибкам, упущениям и разочарованиям, что лишней раз доказывает нам, что ценности связаны с предвосхищением, а не с результатом. В контексте эпохи массового потребления они же приводят к осознанию внутренней неполноты. Поэтому устранение понятие ценности соотносимо со всеми приемлемыми значениями. Так, например, руководствуясь всеобщим благом как ценностью, человек может столкнуться с этической дилеммой, разрешить которую невозможно, поскольку отсутствует соизмеримость значений, производимых разными ситуациями. Для их предотвращения следует опираться на принцип полезности, который выступает практическим дополнением ценности, с учетом принятия того, что разумное существо стремится достичь результатов, способных повлиять на его последующие поступки. В таком случае «польза» есть сила или «некоторое изменение, нарушение естественного порядка вещей, влекущее в том числе и трансформацию горизонтов фантазии» [6, с. 98].

Подводя итоги, можно остановиться на следующем. С одной стороны, смещение понятий пользы и ценности не является правомерным, в силу особенностей, приведенных выше. С другой стороны, мыслить их отдельно непозволительно из-за последствий эпистемологического и онтологического толка (пример с океаном в Солярисе). Явное противоречие разрешимо при анализе любого из действий, которое на фоне человеческой жизни является ограниченным определенным пространством и временем. Оно вызывается предпосылками, а завершается результатом. Результат же заключен в «пользе», которая актуализирует то, что потенциально находится в ценности. Поэтому понятие пользы есть проективный переход от конструкции к восприятию, заданный теорией интеллекта [5], отражением которой могла бы явиться ценность. В этом заключается причинно-следственная связь между первой и второй компонентой в триединстве семиотических процессов, на фоне которой каузальность становится искусственным конструктом человеческого мышления.

Литература

1. Колесов В. В. Концепты Рассудок, Разум, Ум и Мудрость в поле русского сознания // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. – С. 75-86. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-75-86
2. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. – М.: Этерна, 2012. – 752 с.
3. Лем С. Солярис. Возвращение со звезд: Романы. Собр. соч. в 10 тт. Т. 2. М.: «Текст», 1992. – 399 с.
4. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов. М.: Радуга, 1982. – С. 37-89
5. Нестеров А.Ю. Выражение и обозначение в семиотике техники: к вопросу о «полезности» интерпретации // Аналитическая философия: траектории истории и векторы развития: сборник научных трудов Международной научной конференции, посвященной 80-летию научного руководителя Института философии и права СО РАН В. В. Целищева, Новосибирск, 25–26 февраля 2022 г. / под ред. А. В. Хлебалина. Новосибирск. 2022. С. 166-171.
6. Нестеров, А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания: монография. – Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. – 155 с.
7. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная Революция, 2005. – 880 с.
8. Рид Т. Философия здравого смысла. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 640 с.
9. Риккерт Г. Философия жизни. Киев: «Ника-Центр», «Вист-С», 1998. – 505 с.
10. Энгельмейер П.К. Теория творчества. М.: Либроком, 2010. – 208 с.

Ю.В. Гатен

КОНВЕРГЕНТНЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ

(Самарский университет)

Термин «конвергенция» (от лат. *convergo* — «сближаю») тесно связан с конвергентными технологиями, включающими объединение нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий (английское сокращение — NBIC-технологии). Все технологии синергично взаимодействуют, дополняют и усиливают друг друга, создавая чрезвычайно мощные средства преобразования человека и земной цивилизации [1, с. 14].

Конвергенции в образовании посвящено довольно много работ. Однако нет единого подхода в данном определении. Конвергенция в образовании определяется как:

- содержание и технологии, несущие признаки сходности со средами, способствующими развитию ребенка, а также сообразные его собственной природе и закономерностям развития (Е. Куркин) [2];